победе и в малой, «частной», и в большой, исторической жизни Добра над Злом, хотя он изображает эту победу скорее как утопическую грезу, чем как реальность.

Спустя почти два столетия у Скотта мы встречаемся со своеобразным возрождением на новом историческом витке идей, во многом близких духу шекспировских хроник. В обширном цикле исторических романов шотландский романист рассматривает свое время как время, когда на смену эпохе исторических бурь и потрясений приходит эпоха умиротворения, эпоха своеобразного «примирения противоположностей» в духе Гегеля. Отдавая свое сердце красочным и неповторимым героям прошлого, Скотт как политический мыслитель считает, что современному человечеству нужны не новые исторические бури и мятежи, а прочный, хотя и более прозаический по своему духу, домашний комфорт, уют у мирного и спокойного домашнего очага.

В литературе о Пушкине издавна установился взгляд, согласно которому первоначальный толчок к углубленным занятиям историей Пугачева, приведшим к созданию «Капитанской дочки», Пушкину-историку и повествователю дали холерные бунты 1830 г. и весь тот комплекс социально-политической жизни России начала 30-х годов, который заставил как русское правительство, так и широкие слои русского дворянского общества и в первую очередь его мыслящую часть размышлять об исторических возможностях и перспективах повторения в России — на новом историческом витке — событий, аналогичных пугачевщине, и необходимости их предотвратить.

Однако, думается, что взгляд этот, сам по себе верный, следует дополнить одним соображением, которое недостаточно учтено наукой. Ибо тема крестьянской войны в годы, предшествующие созданию «Капитанской дочки», вызывает пристальный интерес также и на Западе. Причем и здесь, как у Пушкина, тема эта тесно связана с другой — с вопросом об историческом лике человека из народной среды, его возможной роли в истории и его социально-психологическом соотношении с людьми из имущих и образованных общественных слоев. Другими словами, для всей эпохи 20—30-х годов XIX в. в России и на Западе — это тема не столько прошлого и настоящего, но и тема будущего.

В свое время многочисленные исследователи начиная с А. Д. Галахова [11, с. 27] отметили фабульное сходство между историей Маши Мироновой, мужественно отправляющейся в Петербург, чтобы спасти своего возлюбленного, и историей героини «Эдинбургской темницы» В. Скотта, которая вымаливает у герцога Аргайля покровительство с целью добиться прощения своей сестры. Но обе героини «Эдинбургской темницы» — всего лишь героини «частной жизни». Их судьбы не соприкасаются с историей гражданских войн или других крупных общественных потрясений, с вопросами исторического будущего Англии. Вообще масштаб подобных героев у В. Скотта принципиально иной, чем у Пушкина. Ни Джини Динс, ни Роб Рой у Скотта не вырастают в символические фигуры, имеющие для понимания родины и ее будущих судеб столь принципиальное значение, как это имеет место с образами Пугачева, Гринева и Маши Мироновой у Пушкина.

В эпоху Пушкина и Скотта были, однако, на Западе и другие крупные писатели, которые в отличие от шотландского романиста с большой зоркостью сумели, вглядываясь в страницы прошлой истории своей страны, отдать должное не просто теме человека из народа, но и теме крестьянских войн как важного момента в прошлой исторической жизни стран Запада.

В 1828 г. появилась «Жакерия» П. Мериме (переизданная в 1829 и 1833 гг.). Известен интерес Пушкина к автору «Театра Клары Газуль», «Гуслей», «Хроники времен Карла IX» и «Двойной ошибки». Поэтому вполне естественно, что «Жакерия» не раз привлекала к себе внимание С. М. Бонди и других исследователей Пушкина — и как образец свободной исторической драмы, противостоящей драматургии классицизма, драмы, построение которой имело для автора такое же принципиальное значение, какое имела для Пушкина новаторская композиция «Бориса Годунова», и как произведение, по своему замыслу представляющее